

Побережников И.В.
**Региональные аспекты модернизации:
теоретико-методологические проблемы**

На большем протяжении своей истории жизнь человечества характеризовалась скорее стабильностью, нежели динамизмом. Общество функционировало на основе традиций. Становление «индустриальной цивилизации» в XVIII—XIX вв. сопровождалось институциональной перестройкой, социальной мобилизацией, ускоренной урбанизацией, трансформацией образа жизни. В XX в. опыт развития стал более разнообразным. Значительные успехи продемонстрировали страны, избравшие социалистический путь развития. Молодые нации, возникшие в середине столетия в результате распада колониальных империй, столкнулись с проблемой выбора моделей развития. Конец XX в. ознаменовался новыми колоссальными сдвигами, в результате которых изменился мировой порядок, бывшие страны социалистического лагеря занялись переосмыслением перспектив своей дальнейшей эволюции. Накануне XXI столетия проблемы развития сохраняют прежнюю актуальность.

Процессы развития имеют не только временное, но и пространственное измерение; они приобретают удивительное своеобразие и неповторимость в зависимости от времени и места: геополитического положения региона, его исторического наследия, уровня социально-экономического, политического и культурного развития на момент начала ускоренного роста, специфики национального менталитета и т.д.

Значительный теоретико-методологический и эмпирический опыт изучения различных аспектов, в том числе исторических, перехода от традиционного к современному, индустриальному обществу был накоплен на протяжении второй половины XX века в рамках модернизационной перспективы. В целом модернизационной парадигме присуще фокусирование исследовательского интереса на проблематику развития, факторов и механизмов перехода от традиционности к современности; проведение анализа преимущественно на страновом, национальном уровне; использование в качестве ключевых понятий традиция и современность, оперирование эндогенными переменными, такими как социальные институты и культурные ценности; положительная оценка самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей. При этом модернизационная парадигма, сформировавшаяся в значительной степени под влиянием эволюционизма и функционализма, прошла длительный путь совершенствования. В рамках парадигмы модернизации было разработано множество теоретико-методологических и дисциплинарных подходов, призванных объяснять различные аспекты процессов развития.

Продолжая развиваться, модернизационная парадигма совершает экспансию в новые для нее области теоретизирования и абсорбирует (и адаптирует) новые теоретико-методологические подходы. Модификация теоретических основ модернизационного подхода способствовала превращению первоначально достаточно односторонней и абстрактной теоретической модели, не игравшей существенной роли в эмпирических исследованиях, в многомерную и эластичную по отношению к эмпирической реальности. Ориентированный первоначально преимущественно на анализ макросоциальных структур, модернизационный подход ныне стал применяться и при изучении микросоциальных процессов, деятельностных практик. Сопоставляя различные теоретико-методологические подходы, можно высказать предположение об адекватности их применения к различным пространственным сегментам. Так, классическая линейная модель, разработанная в 1960-е гг. на основе обобщения опыта западной «атлантической» цивилизации, вероятно, больше подходит при анализе процессов модернизации в странах Западной Европы (вероятно, исключая Южную Европу) и Северной Америки (в отечественной литературе модернизация в странах данного ареала характеризуется как «органическая»)

(1). Модель парциальной модернизации (Д. Рюшемейер), так же, как и линейная, ориентированная на изучение макромасштабных социальных явлений и процессов, поставила под сомнение множество признаков линейной модели (революционный, комплексный, системный, глобальный, стадийный, конвергенционный, необратимый характер модернизации)

(2). Созданная, так сказать, *ad hoc*, применительно к определенным историческим ситуациям, парциальная модель позволяла снять ряд теоретических противоречий, возникавших при исследовании с опорой на линейную модель тех случаев развития, которые блокировались слишком большими различиями между традиционными и современными (обыкновенно заимствуемыми из внешней среды) ценностями и институтами (такие ситуации нередко именуются догоняющей, неорганичной модернизацией). Ситуационно ориентированная, парциальная модель стала рассматриваться как частный, субоптимальный случай линейной модели развития; она в значительной степени адекватна применительно к большинству не западных обществ, а также к странам периферийной Европы, в частности — Южной Европы (Португалия, Испания, Италия, Греция и отчасти Турция) (3).

Многолинейная (Э. Тириакьяна, П. Штомпки, В. Цаффа, Р. Робертсона, К. Мюллера, С. Хантингтона, А. Турен, У. Бек и др.) и структурационная (Г. Тёрборн) модели расширили познавательные возможности модернизационного анализа (4). По-прежнему ориентированный преимущественно на анализ макросоциальных явлений (необходимо признать, что данные модели более восприимчивы, по сравнению с классической, и к микроанализу), данная модель отличается большим «историзмом», характеризуются большей эластичностью по отношению к изу-

чаемой реальности (в том числе, пространственной). В принципе, они применимы к большинству стран, вступающих на путь модернизации; позволяют анализировать пути модернизации; но они носят слишком обобщенный, рамочный характер, что не позволяет глубоко анализировать специфические варианты модернизации.

Пространственные аспекты затрагивались представителями модернизационной парадигмы преимущественно в рамках применения сравнительно-исторического подхода. Исследователи, прибегавшие к данному подходу, обычно рассматривают в компаративном плане эволюцию двух или более обществ (обыкновенно стран), выделяя общие и особенные черты модернизации. Сравнительно-исторический подход был реализован в творчестве таких представителей школы модернизации, как С. Блэк, С. Эйзенштадт, Д. Растоу, С.М. Липсет, Б. Мур, Р. Бендикс, Г. Тёрборн и др. Внимание исследователей при этом фокусировалось на таких переменных, изучение которых вызывает большие затруднения в рамках социально-процессуального подхода: это институты, культура, лидерство. Сравнительный подход направлен на выявление: 1) общих стадий или фаз, через которые должны проходить все общества; 2) особых путей, которыми могут двигаться общества; 3) комбинаций подобных «вертикальных» и «горизонтальных» категориальных классификаций.

Представляют интерес бинарные сравнительные исследования, в рамках которых сопоставляются две страны (например, сопоставление России и Японии в исследовании под руководством С. Блэка, США и Японии — в работе С.М. Липсета, США и СССР — в исследовании П. Бергера). Подобный подход позволяет выявлять общие и специфические характеристики модернизации в истории конкретных регионов (обыкновенно — стран) (5).

Следующее направление, имеющее отношение к пространственным аспектам модернизации, — так называемые ситуационные исследования (case study; в качестве объекта изучения берется конкретный регион, обычно страна), которые получили распространение в последнее время (6). Использование данного подхода связано с отказом от практики, которая была характерна для классической модернизационной теории, когда пространственно-исторические реалии использовались преимущественно для иллюстрации развертывания процесса модернизации (и одновременно для подтверждения теории модернизации). Сторонники ситуационных исследований используют теорию модернизации для объяснения уникальных конкретных (региональных) аспектов развития.

В целом можно отметить, что пространственные аспекты в некоторой степени были включены в орбиту внимания представителей модернизационной парадигмы. Перспективна разработка проблемы дифференциации и различения путей развития. Достигнуты успехи в выявлении пространственных особенностей процесса модернизации. Но полученные

результаты относятся преимущественно к разработке страновых вариантов модернизации (скорее даже особенностей отдельных аспектов модернизации применительно к конкретным странам). Субстрановый уровень пространственной динамики в рамках модернизационных исследований освещен весьма слабо.

Теории зависимости и слаборазвитости (А.Г. Франк, Т.Д. Сантос, Ф.Э. Кардозо, Э. Фалетто, Р. Пребиш, С. Амин и др.), а также миросистемный анализ (И. Валлерстайн) внесли существенный и оригинальный вклад в разработку проблематики развития. Сторонники указанных теорий, в отличие от представителей модернизационного анализа, акцентировали внимание не на внутренних, а на внешних (экзогенных) факторах изменений, отдавая приоритет не национальным, а глобальным характеристикам экономической организации современного капитализма. Особенности развития национальных систем, по их мнению, в значительной степени обуславливались внешним окружением соответствующих стран и позиционированием последних в мировом иерархически организованном пространстве. Открытием представителей теорий зависимости и миросистемного подхода стала возможность «параллельного» (весьма специфического, не укладывавшегося в рамки линейного стадийного прогресса модернизационного типа) развития или «неразвития» для стран мировой «периферии» или «полупериферии». В рамках указанных теоретических перспектив пространственные аспекты занимали гораздо большее место по сравнению с теориями модернизации — но в масштабах «мировой системы капитализма», а не отдельных страновых моделей развития. Тем не менее, наблюдения сторонников теорий зависимости и миросистемного анализа относительно международного территориального разделения труда и взаимодействий между индустриально развитыми странами ядра и развивающимися странами периферии, территориально разделенными, представляют для нас несомненный методологический интерес (7).

Представители различных теоретических направлений внесли существенный вклад в проблематику развития. Теоретические проекции (теории модернизации, теории зависимости, миросистемный анализ) акцентировали внимание на различных аспектах социальной динамики. Если для представителей теорий модернизации более значимыми казались внутренние переменные, то для сторонников теорий зависимости, слаборазвитости, миросистемного анализа в качестве таковых выступали внешние, экзогенные параметры, в частности, мировой порядок, внешнее доминирование. По большому счету наблюдения, которые осуществлялись в рамках различных теоретических перспектив, как бы взаимно дополняли друг друга. Сами теоретические перспективы в процессе эволюции подвергались определенной корректировке, в том числе за счет заимствований у своих оппонентов — есть основания оценивать данный процесс как конвергентный, несмотря на то, что рассмотренные теоретиче-

ские перспективы сумели сохранить собственные «лица». Использование различных теоретических подходов при изучении исторического процесса, как нам представляется, демонстрирует неполноту односторонних подходов и полезность смены аналитических ракурсов в процессе исторического исследования. Если применение модернизационной парадигмы подтверждает важность внутренних движущих сил индустриализации, то использование других перспектив (зависимости и миросистемного анализа) убеждает в необходимости учитывать и экзогенные факторы, без чего создаваемая исследователем картина не будет выглядеть убедительно и адекватно. При этом были достигнуты определенные успехи в характеристике пространственных особенностей процессов развития, но преимущественно в рамках мировой системы и страновых моделей.

Важным теоретико-методологическим значением для нашего исследования обладают разработки, осуществленные в рамках регионального анализа. Й.Г. фон Тюненом в понятийно-терминологический аппарат теории географии были введены представления об экономическом пространстве, его свойствах, факторах размещения, предложена модель пространственного распределения специализации и ведения аграрного хозяйства в зависимости от расстояния от рынка сбыта сельскохозяйственной продукции (города). Процессы концентрации и децентрации в размещении деятельности подверглись углубленной теоретической разработке в исследованиях А. Вебера, В. Кристаллера, А. Лёша, У. Изарда. Особый интерес представляет теория пространственной диффузии нововведений (Т. Хэгерстранд), интегрировавшая в научный язык концепты центров нововведений, информационного поля, эффектов соседства и барьеров. Заслуживают внимания представления о лидирующих отраслях (предприятиях, конкретных территориях) как источниках инноваций и развития (теории полюсов роста — Ф. Перру, Ж.-Р. Будвиль, Дж. Фридман, П. Потье). Существенно продвинулась разработка проблемы динамики взаимоотношений «центральных» и «периферийных» районов (О. Грицай, Г. Иоффе, А. Трейвиш). Представляют интерес попытки установить зависимость между сдвигами в размещении промышленности, в частности, миграциями центральных и периферийных мест по территории, и циклическим характером функционирования экономики (например, С. Артоболевский, Г. Иоффе, А. Трейвиш — авторы использовали в качестве базовой теорию «длинных волн» Н.Д. Кондратьева) (8).

Проблему реконструкции динамики региональной структуры, которая результируется в распределении (и в перераспределении) региональных ролей в геополитической, политико-экономической, социокультурной и прочих сферах, позволяет решать матрица сочетания общих и региональных тенденций развития, предложенная А.И. Трейвишем (9), которая имеет следующий вид:

Динамика региональных (локальных) различий		Общая (национальная, глобальная) динамика	
		<i>Прогресс (развитие, рост, улучшение)</i>	<i>Регресс (депрессия, спад, ухудшение)</i>
	<i>Конвергенция (сближение, выравнивание)</i>	Прогрессивная конвергенция (сближающий рост, выравнивание)	Регрессивная конвергенция (сближающая депрессия, выравнивание)
<i>Дивергенция (расхождение, расслоение)</i>	Прогрессивная дивергенция (неравномерный рост, расслоение на сильных и слабых)	Регрессивная дивергенция (неравномерный спад, расслоение на слабых и сильных)	

Использование данной матрицы для улавливания взаимосвязей между общей динамикой (страновой) развития (модернизации) и динамикой региональной структуры представляется перспективным, потому что данный подход не ограничивает рассмотрение модернизации только в качестве заданного поступательного роста (напротив, предусматривает возможность циклической динамики), а также предусматривает вариативность «поведения» территориальных единиц в контексте модернизации. Наконец, положительным моментом является сама возможность на основе данного подхода устанавливать взаимосвязи между общей (социетальной) динамикой модернизации и динамикой пространственного развития.

Разработка парадигм и концепций региона также имеет существенное методологическое значение для нашего исследования. В европейской аналитике нередко регион интерпретируется как «территория, представляющая собой общность с географической точки зрения или такая территориальная общность, где есть преемственность и чье население разделяет определенные общие ценности и стремится сохранить, развивать свою самобытность в целях стимулирования культурного, экономического и социального прогресса» (10). В данном определении присутствуют как естественно-историческая (обусловленная наличием «территории», «географии»), так и проектировочная компонента, имеющая субъективную природу, пропускаемая сквозь «фильтры ментальности» и реализуемая через деятельность людей, их поведение. Интеграция субъективной компоненты в концепт «региона» представляется нам актуальной и методологически корректной. В более общем методологическом контексте это обуславливается дуализмом исторического процесса, который осуществляется как структурирование социальных отношений во времени и пространстве в результате постоянного взаимодействия предшествующей структуры и индивидуальной воли (деятельности). Структура оказывает воздействие на человеческую деятельность и индивидуальную волю, а последняя, эксплуатируя непоследовательности и противоречия существующих структур, обладает способностью изменять саму структуру. Унаследованная от прошлого структура является рамочным условием деятельности и одновременно ее результатом. На деятельностной составляющей акцентирует внимание при определении концепта «регион» П.Г.

Щедровицкий (11), по мнению которого «регионом» является единица соорганизации и связи процессов развития и процессов воспроизводства, в которой процессы исторического развития деятельности должны «замкнуться» на стабильных структурах воспроизводства человеческой жизнедеятельности, культурных форм, природных и трудовых ресурсов, материала жизнедеятельности и производства и т.д.; становление целостных механизмов и структур воспроизводства в условиях развития порождает «регионы» различного уровня сложности, которые могут локализоваться на тех или иных участках территории, прикрепляться к ним и «паразитировать» на определенных массивах природного окружения и территориальных ареалах.

Исследование различных теоретических подходов позволяет указать на их сильные и слабые места, а также выявить те предметные области, при изучении которых возможно их конвергентное использование. В частности, к таким областям, как нам представляется, можно отнести пространственные измерения процессов развития. Сравнительное изучение теорий развития дает также возможность провести работу по их теоретическому «усилению», с учетом идентификации слабых мест, обнаруживаемых конкурирующими перспективами.

На основе углубленного изучения теоретических обсуждений проблем перехода от традиционности к современности, а также обобщения опыта исследования данной проблематики современными учеными можно сформулировать модель модернизационного анализа, которая может быть определена как пространственно-ориентированная. Кратко существо данной модели сводится к следующим тезисам:

1. Отказ от односторонней линейной трактовки модернизации как движения в сторону единой универсальной цели (подобный подход сегодня трактуется как этноцентричный); признание возможностей собственных путей развития (национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную социокультурную окраску), поворотных точек, в которых в процессе развития может происходить смена маршрута движения. Признание возможности различных траекторий модернизации открывает обсуждение проблемы разнообразия исторических типов или моделей развития.

2. Признание вариативного, неоднозначного характера взаимодействия традиции и модернизации (традиция как позитивный стимулятор процесса модернизации и как препятствие на пути модернизации; ослабление влияния традиции в процессе модернизации или ее усиление). Признание возможной конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода, придание ей статуса возможного дополнительного фактора развития. Традиция как фактор, обуславливающий своеобразие различных общественных систем, сохраняющий это значение при продвижении к современности. Призна-

ние значительного адаптивного потенциала традиции как на уровне большой традиции (центра), так и на уровне малой традиции (периферии), способных трансформироваться по мере приспособления к изменяющимся условиям. Признание жизнеспособности (наличие своей внутренней логики, способности к реорганизации и непрерывности) так называемых переходных систем, сочетающих элементы традиции и современности. Необходимость дифференцированного подхода к системе традиций, обладающих способностью вариативно реагировать на вызовы современности.

3. Помимо фокусировки внимания на внутренние факторы, признание необходимости учета воздействия на ход модернизации внешних, международных факторов, мирового контекста; трактовка модернизации как эндогенно-экзогенного процесса, обусловленного как внутренними, так и внешними факторами.

4. Признание диффузии (распространение инноваций, в том числе их импорт в данное общество извне) в качестве значимого фактора модернизации, предпосылки ускорения социального прогресса; сложный характер процесса диффузии, включающий адаптацию к новым условиям, сложные взаимодействия (включающие обоюдные влияния) между импортированными технологиями, институтами, ценностями и т.д. и средой, где они должны укорениться; вариативность последствий диффузии одного и того же элемента или комплекса элементов для различных территорий.

5. Акцентирование внимания на роли социальных авторов (коллективов и индивидов), всегда обладающих возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства. Индивиды и социальные коллективы должны рассматриваться в качестве конечных двигателей изменений; направление, цели и темпы изменений как результирующая конкуренции между различными деятелями (актерами), как область конфликтов и противоборства. Изменение в контексте данных структур, которые оно, в свою очередь, трансформирует, вследствие чего структуры выступают в качестве и условия, и результата; взаимодействие между деятельностью и структурами как смена фаз творчества деятелей и структурной детерминации.

6. Отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации. Признание возможности различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации. Данное положение следует распространить также на территориальные (региональные и субрегиональные) общности.

7. Ограничение комплексности как измерения процесса модернизации исторически конкретными рамками; признание длительной возможности некомплексного развертывания модернизационного процесса как в социальном, так и в пространственном плане.

8. Признание значимости природно-географических условий (размеры страны, природные ресурсы, степень однородности географического пространства, геополитическое и геоэкономическое положение, природа институционализированного взаимодействия между центром и периферией; пространственные условия диффузии новаций) как факторов модернизации. Процесс модернизации разворачивается в пространственно определенных условиях, которые обуславливают его возможности и ограничения, навязывают ему определенную пространственную форму (организацию). Страновая модель перехода от традиционности к современности, как и локально ограниченные деятельности, ее создающие, несут отпечаток не только общей логики процесса модернизации (структурная дифференциация, рационализация, мобилизация и т.д.), но и места его протекания. Без исследования комплекса проблем, связанных с пространственной организацией и географическими детерминантами, невозможно адекватно и полно объяснять процессы модернизации, выявлять присущие ему общие и особенные черты.

9. Признание возможности вариативного (конвергенция и дивергенция; восходящая и нисходящая) поведения территориальных единиц (регионов и субрегионов) в процессе модернизации; установление взаимосвязей между общей динамикой (страновой) развития (модернизации) и динамикой региональной структуры.

10. Признание регионализации (пространственной специализации региона на определенных видах социальной деятельности) в качестве существенного аспекта модернизации. Использование для изучения данного феномена концепта структурно-функциональной дифференциации. Регионо-ориентированный подход (мезо-уровневый масштаб) как возможность выхода за границы макро-микроаналитической проблематики, для которой характерно стремление, с одной стороны, объяснять конкретные социальные результаты в терминах широкой структуралистской логики, а с другой стороны, интерпретировать масштабные социальные процессы путем простого агрегирования микролокальных событий.

Данная модель, в отличие от подходов, применявшихся в рамках прежних модернизационных исследований, отличается большей гибкостью и эластичностью по отношению к изучаемой реальности, временным и пространственным ее измерениям; она более продуктивна при изучении субстрановой (региональной, субрегиональной) динамики модернизации, поскольку не требует рассматривать общество как однородное единое целое (монолит), функционирующее по одним и тем же механизмам в любой точке своего пространства и временной протяженности. Напротив, она позволяет рассматривать общество как реальное, живое, неоднородное, вариативно (в том числе и в пространственном плане) реагирующее на вызовы модернизации.

* Поддержка данного проекта была осуществлена Программой «Межрегиональные исследования в общественных науках», Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США), Министерством образования Российской Федерации за счет средств, предоставленных Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (США) и Институтом «Открытое общество» (фонд Сороса). Точка зрения, отраженная в данном документе может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций»

1. См.: Black C.E. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975; Levy M.J. *Modernization and the Structure of Societies*. Princeton, 1966; Rostow W.W. *The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto*. Cambridge, 1960; Lerner D. *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. New York, London, 1965.
2. Rueschemeyer D. *Partial modernization // Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons/ Ed. by J.C. Loubser et al. N.Y., 1976. Vol. 2. P. 756—772.*
3. См.: Sapelli G. *Southern Europe since 1945. Tradition and Modernity in Portugal, Spain, Italy, Greece and Turkey*. London; N.Y., 1995; Holman O. *Integrating Southern Europe. EC Expansion and the Transnationalization of Spain*. London., 1996; Также см.: Витюк В.В., Данилевич И.В. Национальное согласие и переход от авторитаризма к демократии (испанские уроки) // ОНС. 1999. № 2. С. 34—44.
4. Grancelli B. (ed.). *Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe*. Berlin; New York: De Gruyter, 1995; Также см.: Цаф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. 1998. № 8. С. 16—17; Штомпка П. Социология социальных изменений; Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000; Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998; Ингледарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. / Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 267—268; Therborn G. *European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945—2000*. London, New Delhi: Sage Publications, 1995.
5. См.: *The Modernization of Japan and Russia. A comparative study*. N.Y.; London, 1975; Lipset S.M. *Binary Comparisons. American Exceptionalism — Japanese Uniqueness // Comparing Nations: Concepts, Strategies, Substance / Ed. by M. Dogan and A. Kazancigil*. Oxford; Cambridge, 1994. P. 153—212; Бергер П. Капиталистическая революция. 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. М., 1994.
6. Например, см.: Kazancigil A. *The Deviant Case in Comparative Analysis. High Stateness in a Muslim Society: The Case of Turkey // Comparing Nations...* P. 213—238; Цаф В., Хабих Р., Бульман Т., Делей Я. Германия: трансформация через объединение // Социс. 2002. № 5. С. 19—37; Шпедер Ж., Элекеш Ж., Гарча И., Роберт П. Очерк трансформации в Венгрии // Там же. С. 37—59; Wong Siu-Lun. *The Applicability of the Asian Family Values to Other Sociocultural Settings // Berger P.L. and Hsiao Hsin-Huang M. (eds.). In Search of an East Asian Development Model*. New Brunswick, NJ: Transaction, 1988. P. 134—154; Также см.: So A.Y. *Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories*. Newbury Park, 1990. P. 63—65.
7. Кардозо Ф.Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М., 2002; Santos T. Dos. *The Crisis of Development Theory and the Problem of Dependence in Latin America // Siglo*. 1969. Vol. 21; Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М., 1992; Lira M. *Prebisch's Long March towards the Criticism of "Peripheral Capitalism" and its Transformation. A Comment // Regional Dynamics of socioeconomic change*. Warszawa, 1988. P. 21—42; Wallerstein I. *World-System Analysis // Social Theory Today / Ed. by A. Giddens and J.H. Turner*. Stanford: Stanford University Press, 1987. P. 322—323; Idem. *Underdevelopment Phase-B: Effect of the Seventeenth-Century Stagnation on Core and Periphery of the European World-Economy // The World-System of Capitalism: Past and Present / Ed. by W.L. Goldfrank*. Beverly Hills, CA: Sage, 1979. P. 73—84; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

8. См.: Кузнецова О. Теоретические основы государственного регулирования экономического развития регионов // Вопросы экономики. 2002. № 4; Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М., 2001; Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991; Хаггетт П. Пространственный анализ в экономической географии. М., 1968; Он же. География: синтез современных знаний. М., 1979; Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. М., 1988; Тюнен И.-Г. Изолированное государство. М., 1926; Вебер А. Теория размещения промышленности. М.; Л., 1926; Лёш А. Географическое размещение хозяйства. М., 1959; Изард У. Методы регионального анализа; введение в науку о регионах. М., 1966; Модели в географии. М., 1971; Production, Work, Territory. The geographical anatomy of industrial capitalism / Ed. by A.J. Scott and M. Storper. Boston, 1988; Regional Dynamics of Socio-economic Change. Warszawa, 1988; и др.
9. См.: Трейвиш А.И. Региональное развитие и регионализация России: специфика, дилеммы и циклы // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы М., 2001. С. 55.
10. Цит. по: Аванесова Г.А. Региональное развитие в условиях модернизации (на материалах стран Запада и Востока) // Восток. 1999. № 2. С. 42.
11. Щедровицкий П. Дневник консультанта // Кентавр. 1997. № 17. С. 30.

Корнилов Г.Е.

Историческая наука и историческое образование на Урале

Становление истории как науки на Урале совпало с формированием в регионе крупной металлургической промышленности в первой половине XVIII в. У истоков научной истории стояли выдающиеся государственные деятели, обладавшие энциклопедическими знаниями – Василий Никитич Татищев и Вильгельм Георг де Геннин. Множество исторических сведений и наблюдений об Урале содержится в статьях «Лексикона Российского исторического, географического, политического и гражданского» В.Н.Татищева. В. де Геннин был автором специального труда о металлургической промышленности «Описание уральских и сибирских заводов» (1735 г.), в котором содержались и исторические сведения: об основании в регионе заводов и крепостей, организации местных учреждений управления горнозаводской промышленности края, о взаимоотношениях администрации и заводских работниках, социальных конфликтах на заводах.

Горные деятели – администраторы, инженеры продолжали играть существенную роль в развитии истории (И.М.Веймарн, В.И.Крамаренков, А.Н.Ярцов, А.Ф.Дерябин, И.Ф.Герман). Заметный вклад в изучение народов Урала внесли ученые и путешественники, участники академических экспедиций XVIII в. (И.К.Кириллов, И.Г.Гмелин, Г.Ф.Миллер, П.С.Паллас, И.И.Лепехин, И.П.Фальк, И.Георги, П.И. и Н.П.Рычковы). Петр Иванович Рычков – первый член-корреспондент Петербургской академии наук (1759 г.).

В первой половине XIX в. историки В.Н.Берх, Г.И.Спасский обнаружили и опубликовали документальные и летописные источники по истории края. Ряд документов и сочинений по истории региона увидел свет на страницах «Горного журнала» (с 1825 г.). Были опубликованы